

П.Н. Базанов

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

Аннотация. Комплексное исследование начального периода жизни и деятельности за рубежом известного представителя второй русской эмиграции Николая Ивановича Ульянова. Статья основана на неопубликованных документах из зарубежных архивов. Впервые рассматривается период жизни в лагерях для «перемещенных лиц» и в Марокко.

Ключевые слова: русская эмиграция; Николай Ульянов; украинский сепаратизм; «перемещенные лица», Марокко.

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) – известный русский историк, последний ученик академика С.Ф. Платонова, один из самых знаменитых представителей второй «волны». Более всего он известен как признанный специалист в украинском сепаратизме, разрешении национального вопроса в России и философии истории. Но про начало его жизни за рубежом мало что известно.

После Второй мировой войны качественно изменился состав русской эмиграции. Это было связано с появлением такого этнополитического феномена, как вторая «волна», к которой обычно относят людей, покинувших родину в годы Великой Отечественной войны и не вернувшихся после 1945 г., – около 400–450 тыс. человек. Традиционно выделяют следующие категории: «остарбайтеры» – лица, насильственно угнанные с оккупированных территорий нацистами для работы в сельском хозяйстве и промышленности Третьего рейха; военнопленные; «власовцы» и так называемые добровольные помощники («хи-ви»), воевавшие на стороне Германии; лица, сотрудничавшие с немецкими оккупационными властями (от полицаяв-карателей до учителей начальных школ и уборщиц).

Среди представителей второй «волны» не было таких известных имен, как в первой эмиграции. Только философ С.А. Аскольдов и писатель, литературовед Р.В. Иванов-Разумник были видными представителями Серебряного века. Но они умерли сразу после

БАЗАНОВ
Петр Николаевич,
доктор
исторических
наук,
профессор
ФГБОУ ВП
«Санкт-
Петербургский
государственный
институт
культуры»,
член экспертного
совета
по вопросам
российского
зарубежья
правительства
Санкт-
Петербурга

окончания войны. Остальные же стали известны именно как представители второй эмиграции. Среди них можно выделить имена поэтов: Д. Кленовского (Д.И. Крачковского), И. Елагина (И.В. Матвеева), Р. Березова (Р.М. Акульшина), О. Анстей (О.Н. Штейнберг), В.А. Синкевич; писателей: Б.Н. Ширяева, Б.А. Филлипова (Филистинского), Л.Д. Ржевского (Суражевского), С.С. Максимова (Пашина или Пархина), Б.П. Башилова (Юркевича); литературоведов и критиков: Л.А. Фостер (урожденную Колесникову), В.Д. Самарина (Соколова), В.К. Завалишина, Г. Андреева (Г.А. Хомякова), М.М. Корякова; художников: С.Л. Голлербаха, С.Р. Бонгарта, В.М. Шаталова; историков: А.Г. Авторханова, Н.Н. Рутыча (Рутченко), И.А. Курганова (Кошкина); общественных деятелей: Е.Р. Романова (Островского), Н.А. Троицкого (Б.А. Яковлева), А.Н. Артемова (Зайцева); священников: прот. Д. Константинова, С. Ляшевского и многих других.

Ко второй волне можно присоединить перебежчиков из СССР за «дипийский» период начала 1950-х годов. По своему количеству эта категория немногочисленная, но именно из ее рядов вышли писатель и литературный критик В.И. Юрасов (Жабинский), публицист и общественный деятель, председатель Центрального объединения послевоенных эмигрантов Г.П. Климов (И.Б. Калмыков).

История новой послевоенной эмиграции непосредственно связана с изменениями в «русском беженстве» в период после Второй мировой войны. Прежде всего, это прекращение того всемирного феномена культурной деятельности, который получил название «Русское Зарубежье» («Россия № 2», «Зарубежная Россия» и т.д.). Изменилась и география «Зарубежной России».

«Рассеяние» эмигрантов из России по свету еще более расширилось. Массовые русские диаспоры возникли в таких далеких и экзотических странах, как Аргентина, Австралия, Бразилия, Венесуэла, Уругвай, Южная Африка и т.д. Новым круп-

нейшим центром русской эмиграции стал научно-культурный треугольник на Атлантическом побережье США: Нью-Йорк – Вашингтон – Бостон, где находятся самые известные американские университеты – Гарвардский и Йельский. Очень обновилась старая русские колонии в Новом Свете за счет представителей второй «волны» и первой русской эмиграции из Европы и Китая.

Более важным фактором стало изменение отношения к выходцам из России на Западе. С началом холодной войны к эмигрантам из СССР стали относиться с большим интересом, чем ранее. Интерес этот, правда, имел двоякий оттенок. С одной стороны, их охотно принимали на работу в различные учебные, научные и военные организации и центры, в органы контрразведки и разведки. Многие эмигрантские проекты, идеологические акции и сами политические организации поддерживались и финансировались западными правительствами. Для этих целей было создано множество фондов и благотворительных организаций. С другой стороны, в общественном мнении и правительственной политике Запада все больше стали распространяться русофобские, а не антикоммунистические идеи и концепции.

Среди деятелей второй «волны» наибольший интерес представляют младшие современники Серебряного века. Именно их творчество вызывает в современной России пристальное внимание. Вместе с Н.И. Ульяновым этих эмигрантов (Д. Кленовского, И. Елагина, Б.Н. Ширяева и др.) первая «волна» считала за «своих», а не за «продукты социалистического эксперимента». Крупнейший поэт начала XX в. Георгий Иванов выделял Н.И. Ульянова как одного из немногих среди представителей второй «волны» русской эмиграции и даже подчеркивал, что «иные из ди-пи стали писать образцово», имея в виду прежде всего именно Николая Ивановича¹.

Сюжет жизни Ульянова тем трагичней и насыщенней, что он был «очень куль-

турный человек, но своеобразный, одинок». Независимость его мысли поражала даже утонченных эстетов. Георгий Иванов писал Роману Гулю, что такая независимость «была – без преувеличений – у Чаадаева или К. Леонтьева. И это меня в нем всегда восхищает. А я не из любителей восхищаться, сами знаете. Это – т.е. Ульянов – проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине»². «Статьи Ульянова, повторяю, поразительны. Но я совсем не согласен, что там “ледники”, а здесь “последние остатки России”. Помоему, все-таки скорее наоборот. Это **декадентский** (выделено мной. – П. Б.) взгляд»³. Поэтесса Ирина Одоевцева полностью разделяла позицию мужа. «Напишите, нравится ли Вам и О<льге> А<ндреевне> (Гуль. – П. Б.) Ульянов. Мы с ним до странности подружились. Другого такого я не знаю – совсем особенный и до чего милый»⁴.

Поэт Александр Акимович Биск (1883–1973) – председатель нью-йоркского «Кружка русских поэтов в Америке», отрицательно относившийся ко второй и третьей «волнам», делал исключение для четы Ульяновых, так же считая их людьми дореволюционной культуры⁵.

Поэт и прозаик Юрий Данилович Кашкаров (1940–1994) – главный редактор «Нового журнала», представитель уже третьей «волны», в одном из своих выступлений подчеркивал условность классификации эмиграции на общепринятые периоды: «Я бы даже не делил, как тут делят, на первую, вторую и третью эмиграции. Я бы просто делил на культурную и советскую эмиграции, а сейчас уже на экономическую. Скажем, **Николай Ульянов воспитан целиком дореволюционной культурой** (выделено мной. – П. Б.). Или Крачковский – замечательный поэт. Да почти все. Я вот сейчас думал, кого бы я отнес к представителям второй эмиграции? Пожалуй, Михаила Корякова»⁶. Мало того, он подчеркивал принадлежность

историка к плеяде авторов лучшего послевоенного периодического издания. «Из прозаиков, сотрудничавших с “Новым журналом” в 50–70-х гг. я хочу, прежде всего, выделить Николая Ульянова, автора замечательных статей и великолепного романа “Сириус”, посвященного событиям Первой мировой войны»⁷.

Такое же мнение устно высказывала и писательница Нина Николаевна Берберова (1901–1993) – одна из жен В.Ф. Ходасевича. Она успела в конце перестройки побывать на Родине и, по воспоминаниям Ю.В. Дойкова, в лекции «назвала Н.И. Ульянова одним из самых умнейших людей, с которыми ей приходилось встречаться. А умных людей Н. Берберова за свою долгую жизнь повидала предостаточно»⁸.

Местом, где непосредственно произошел контакт между первой и второй «волнами», были лагеря «Ди-Пи». Это последние «острова», даже скорее «архипелаги» «континента Русского Зарубежья» в 1945–1951 гг. – лагеря для насильственно депортированных немцами или добровольно ушедших жителей СССР и стран Восточной Европы. Власти США, Великобритании и Франции, чтобы не считать их эмигрантами или беженцами, лицемерно именовали «displaced persons» (в переводе с английского – «перемещенные лица»), в сокращенной русифицированной форме «Ди-Пи» («D-P»), или дипийцы. Следовательно, по Ялтинскому соглашению 1945 г., они подлежали депортации в СССР. Дипийцы состояли из следующих категорий лиц: эмигранты первой «волны» и их потомки, жившие на территориях, которые после Второй мировой войны стали контролироваться коммунистами; русское население стран-лимитрофов и даже из Франции, Бельгии, Голландии, оказавшееся на оккупированной союзниками территории; а также все те, кого причисляют ко второй «волне» эмиграции. Лагеря «Ди-Пи» существовали на территориях, не попавших в зону оккупации Советской армией (Германия, Австрия, Италия и Греция).

В лагере Карлсфельд под Мюнхеном Ульяновых освобождает американская армия. Перед ними встала дилемма, возвращаться в СССР или попытаться остаться на Западе. Несмотря на то что один из советских офицеров, беседовавший с ним, по секрету предостерегал его от возвращения, Ульянов колебался⁹. Учитывая пятилетнее пребывание в лагерях ГУЛАГа, он обоснованно опасался нового ареста с самыми печальными последствиями. «Убежденный антикоммунист, после войны Н.И. Ульянов отказался вернуться в Советский Союз»¹⁰.

С окончанием войны и приходом американских войск возникает новая опасность – насильственной репатриации в «социалистический рай», а позднее – проблема дальнейшего «мирного» существования¹¹. У Ульяновых даже были вшиты в одежду капсулы с ядом на случай отправки в СССР¹².

Насильственной репатриации удалось «избежать благодаря помощи одного из служащих лагеря, вынудившего карточки с их фамилиями из списка подлежащих возвращению в Советский Союз»¹³. Р. Фишер уточняет, что это был «симпатичный» французский офицер¹⁴.

В 1945–1947 гг. Ульяновы получили статус «Ди-Пи». Сам Николай Иванович всего трижды вскользь упоминал о своей жизни в лагерях для перемещенных лиц. В статьях о друге С.П. Мельгунове и его периодических изданиях он пишет следующее. «Кто был в 1945–1946 гг. на положении Ди-Пи, за которыми, как за зайцами, охотились по всей Европе советские агенты, тот никогда не забудет мельгуновских брошюр, выходивших под названием то “Свободной Мысли”, то “Независимой Мысли”, то “Независимого Слова”, издававшихся в Париже»¹⁵. «Преследуемый тогдашними прокоммунистическими властями, закрывавшими его журнал, он не сдавался и после каждого закрытия выпускал его под новым названием. В германских лагерях, где Ди Пи копошились и изнывали, как рыба, загнанная в затон, мельгуновские издания передавались из рук в

руки, зачитываясь до полного стирания шрифта. Обезумевшие от преследования люди находили в них не только моральную поддержку, не только ценную информацию, но также политический компас. Сама смелость тона в эпоху всеобщей запуганности действовала ободряюще. Таково же было ее действие и на круги старой эмиграции. Начала она приходить в себя в значительной мере под влиянием мельгуновских „независимых” журналов»¹⁶. Есть также упоминание о первых знакомствах Н.И. Ульянова с литературой первой «волны». «Случилось так, что в числе первых книг, попавших в руки здесь, на Западе, были книги Алданова»¹⁷.

Уже в дипийских лагерях Н.И. Ульянов стал выступать с историческими лекциями и начал писать первые работы по разрешению национального вопроса в России. По воспоминаниям начальника лагеря Мёнхегоф К.В. Болдырева, в клубном помещении периодически читались лекции и обзоры прессы, всего было прочитано до 15 декабря 1945 г. 96 лекций, пользовавшихся у публики большим успехом, о чем свидетельствовала их хорошая посещаемость (21 476 человек). Среди особо популярных он выделяет и выступление историка и писателя Н.И. Ульянова¹⁸.

Сохранились сведения, что именно в дипийских лагерях «Ульянов даже писал детективные романы для дешевых изданий»¹⁹. Ему стали приписывать псевдонимы «Иво Има» и «Ник Майнд». В 2001 г. Надежда Николаевна на вопрос автора данной статьи, – «не знает ли она псевдоним ее мужа – Иво Има», автора «фантастическо-приключенческого романа» «Похитители разума», – ответила, что «это очередной псевдоним писателя-плагиатора Виктора Эфера (настоящая фамилия Афонькин)». Р.В. Полчанинов в своей статье «Книжный бум в годы 1945–1948»²⁰, впрочем, приводит другие данные. «Новый эмигрант, Константин Коспарук издал под псевдонимом Иво Има роман “Похитители разума”. Ни год, ни место не указаны, но указано разрешение Унра тим 568, что значит –

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

Мюнхен». Ник Майнд и Евлампий Октябрьев – это, по Р.В. Полчанинову, псевдонимы писателя Н.П. Мамонтова²¹.

Удалось найти сведения и о работе Н.И. Ульянова над сюжетом по истории блокадного Ленинграда. Известный меньшевик Д.Ю. Далин писал из Франкфурта-на-Майне директору Института изучения истории и культуры СССР Б.А. Яковлеву: «1. Два человека в разных местах и не зная друг друга, пишут работы о блокаде Ленинграда; их фамилии Ульянов в Дюссельдорфе и Заводный в Райне (Вестфалия). Они не литераторы, нуждаются в руководстве, но имеют ценные воспоминания. Коллективный труд о блокаде Ленинграда был ценным вкладом Института, как в историческую науку, так и в текущую политику»²². Сложность состоит в том, что письмо датировано 12 апреля 1951 г., а в это время Н.И. Ульянов уже жил в Марокко и активно публиковался в эмигрантской прессе, в том числе в «Социалистическом вестнике». Хотя для идентификации могли указывать старый адрес. Кроме того, Николай Иванович в Ленинграде во время блокады не жил, но мог писать об оккупированной немцами Ленинградской области или, что скорее всего, конкретно про пригороды.

Друг семьи Ульяновых, известный историк Г.В. Вернадский впоследствии записал в своем дневнике. «Рассказывали м.[ного] пр.[очего] о насилиях и депортации в Украинских лагерях в Германии. Особенно ужасны бендеровцы»²³.

Многочисленная, но малотиражная русская пресса в дипийских лагерях была буквально заполнена описанием очередных выходов «бендеровцев» (собрательное русское название различных украинских нацистских групп). Пользовавшиеся покровительством американских и английских спецслужб, бывшие члены прогерманских военных и карательных формирований буквально терроризировали дипийцев других национальностей. Были многочисленные случаи расправ над все-

ми несогласными с их деятельностью и даже убийств агитаторов других российских политических организаций, в том числе и монархистов. Особенно доставалось малороссиянам и украинцам – жителям бывшего СССР. «Галицийцы» преследовали их с особой страстью – за неправильную «мову», за желание не ссориться с русскими, за неверие в псевдоисторические байки и мифы и т.д., а главное – за расовую «нечистоту». Был даже зафиксирован трагический случай – украинка, уроженка Львовской области была публично высечена за безнравственность, за то, что вышла замуж за украинца из Полтавской области!

По воспоминаниям Н.Н. Ульяновой, интерес мужа к проблеме «украинства» проснулся именно в период пребывания в лагерях Ди-Пи. «Украинствующие» рассказывали совершенно невероятные вещи из истории Восточной Европы, а русские слушатели знали, что все это неправда, но аргументированно, фактически опровергнуть не могли. По просьбе известного монархиста Н.Н. Чухнова Н.И. Ульянов написал свои первые статьи на данную тему: «Украинцы и псевдоукраинцы»²⁴ и «Происхождение украинцев и великорусов в свете сепаратистской “науки”»²⁵. Правда, опубликованы они были позднее – в 1948 и 1952 гг.

Первая статья вышла в мюнхенском журнале «На переломе». Журнал имел очень примечательную историю даже на фоне развития русской дипийской прессы. Известный монархист, представитель «старомонархического» течения, член Совета «Центрального представительства русской эмиграции» (ЦПРЭ), секретарь «Объединения писателей и журналистов в Германии», журналист и поэт Николай Николаевич Чухнов (1897–1978) с июня 1946 г. издавал на ротаторе журнал «Огни» (Мюнхен – Фрейманн, 1946–1947. – № 1–21). Он получил вопреки мнению авторитетного историка М.В. Назарова²⁶ официальное разрешение американских властей на вы-

пуск художественного периодического издания²⁷. Конечно, несмотря на маскировку, «Огни» были острым политическим, монархическим журналом. Журнал в своей программной статье призывал бороться с советской властью, с ее социалистическими союзниками и шовинистами-сепаратистами за единое историческое государство – Россию и за законного преемника императора – великого князя Владимира Кирилловича. «Огни» также регулярно писали о мировых событиях по иностранным радиосводкам и правовом положении диппийцев, всячески стремясь прекратить их выдачи в СССР. Главными же врагами журнала были украинские сепаратисты, руководимые «кучкой бандитов-бендеровцев из СС-дивизии Галичина». Из-за цензурных притеснений журнал переименовали в «Обзор иностранной печати», а затем в «Обзор: Орган русской независимой мысли» (Мюнхен – Фрейманн, впоследствии Шлейсгейм и Мюнхен – Фельдмохинг, 1947–1948. – № 21–106). С 98-го номера за 1948 г. издание стало печататься типографским способом, но нумерация сохранилась общая. С 28 ноября 1948 г. «Обзор» соединился с газетой «Наше время» и журналом «На переломе» в единый орган – «На переломе», «передав» ему и нумерацию. Самый известный из диппийских монархических журналов «На переломе» (Мюнхен, 1948. – № 1–12, № 13 (107); 1949. – № 1–116) успел побывать «органом Союза Андреевского флага», «мюнхенским еженедельником» и «органом независимой мысли». Редактировать его Н.Н. Чухнову помогал Н.Б. Одинец.

Статья в журнале «На переломе» была подписана подлинной фамилией автора – Н. Ульянов. И это в то время, когда практически все представители второй русской эмиграции брали псевдонимы, так как обоснованно опасались не только депортации в СССР, но и репрессий по отношению к родственникам, друзьям и даже знакомым. Видимо, Николай Иванович резонно предполагал, что его фами-

лию, ассоциирующуюся с вождем большевиков, все сочтут псевдонимом.

Впоследствии Н.И. Ульянов поссорился с Н.Н. Чухновым именно из-за публикации «Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской “науки”» в нью-йоркском журнале «Знамя России». Николай Иванович писал, что перед отъездом в Марокко в диппийских лагерях передал ряд статей, но редактор опубликовал только часть в журнале «На переломе». Через несколько лет, когда историк уже разуверился в возможности их напечатания и подготовил тексты для других изданий, Н.Н. Чухнов внезапно, не поставив автора в известность, их опубликовал в своем новом американском журнале.

«Знамя России» (Нью-Йорк, 1949–1981. – № 1–415) был известным послевоенным монархическим еженедельным (затем ежемесячным) журналом под редакцией Н.Н. Чухнова, после его смерти – А.А. Соллогуба. «Знамя России» был «органом русской независимой монархической мысли», но фактически – изданием «Общероссийского монархического фронта» (ОМФ). ОМФ был создан под председательством редактора из консервативных монархических организаций в противовес более либеральному «Высшему монархическому совету» в 1949 г. Организацию финансировал князь Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский (1895–1978) – паж Николая II, штабс-ротмистр Белой армии, который жил в эмиграции в США и даже стал подполковником американской авиации. Он провел «Второй Всероссийский зарубежный съезд», был создателем «Славянского института», председателем «Конногвардейского объединения», «Российского антикоммунистического центра» и «Всероссийского комитета освобождения». Эти структуры открыто выступали против «Американского комитета друзей русского народа», обвиняя его в ориентации на леволиберальную часть эмиграции, в фактической поддержке политики расчленения Рос-

сии и в лоббировании республиканского способа правления. Неудивительно, что «Знамя России» на протяжении всей своей истории печатал острые материалы против украинского сепаратизма.

В журнале «Социалистический вестник» в 1948 г. была издана статья Н.И. Ульянова (под псевдонимом Н. Шварц-Оманский) «К национальному вопросу»²⁸. Причем в «Указателе журнала Социалистический вестник, 1921–1963; Социалистический вестник, сборник 1964–1965» она приписывается С.М. Шварцу²⁹. Напечатал ее меньшевистский орган в порядке дискуссии. В ней историк крайне критично отнесся к позиции этого органа РСДРП, яростно полемизируя с идеями конфедеративного устройства освобожденной от большевиков России, а еще более – с так называемым правом наций на самоопределение вплоть до отделения. Эсеро-меньшевистский круг авторов «Социалистического вестника» не мог простить Н.И. Ульянову политической позиции и в особенности крылатой фразы: «Никакого научного, не утопического социализма не было и нет, всякий социализм – синоним утопии»³⁰.

В представлении левых публицистов – вторая «волна» эмиграция – «фашистская и большевистская зловоль», а М.В. Вишняк при первом знакомстве старательно подчеркивал – «вся без исключения», что, впрочем, не помешало ему предложить Н.И. Ульянову сотрудничество в «Социалистическом вестнике»³¹.

Круг авторов был очень узок. Наиболее часто на протяжении многих лет печатались Л. Мартов, Р.А. Абрамович (более 450 статей), Ф.И. Дан (306 статей), Д.Ю. Далин, Ю.П. Денике, Б.И. Николаевский, Б.Л. Двинов, С.М. Шварц, В. Александрова, А.А. Югов, Б.М. Сапир. Эта группа считала себя единственными последовательными марксистами и, по словам Р.Б. Гуля, «кроме своего „Социалистического вестника“ ни в каких русских зарубежных изданиях не участвовали, чтобы не оскоромиться „буржуазностью“»³².

К журналу также «допускались» правые меньшевики Г.Я. Аронсон и П.А. Гарви, охотно печатали иностранных социал-демократов, таких как Ф. Адлер, О. Бауэр, Э. Бернштейн, К. Каутский, О. Розенфельд.

Известность «Социалистического вестника» базировалась на прекрасной осведомленности о положении дел в верхах большевистской партии. Журнал судил компетентнее других эмигрантских периодических изданиях о причинах перестановок в руководстве РКП (б) – ВКП (б), о расколах и фракциях, об альтернативах социалистического развития.

После Второй мировой войны в Париже стал выходить дополнительный, стереотипный тираж журнала «Социалистический вестник», состав авторов оставался прежним, но на его страницы были допущены эсеры – М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, В.М. Чернов. Это способствовало подписанию совместного эсеро-меньшевистского обращения «На пути к единой социалистической партии»³³. Был даже проект изменить подзаголовок журнала на «орган демократического социализма» и ввести в редакцию М.В. Вишняка и В.М. Зензинова. Кроме того, появились статьи и представители новой эмиграции, так называемой второй «волны»: М.М. Корякова, И.А. Курганова, А.В. Светланина и др. Журнал в послевоенные годы печатался параллельно в США и во Франции, для удобства распространения сначала для дипийцев, а затем для европейских подписчиков. Меншевистская организация и ее журнал существовали за счет «братской помощи американских еврейских социалистических рабочих организаций».

В отличие от эпохи первой эмиграции в послевоенное время, «Социалистический вестник» вызывал большой интерес среди вчерашних советских граждан. При этом у людей, воспитанных на «Кратком курсе» и трудах Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, журнал вызывал резко

отрицательные чувства – «тот же марксизм, доведший Россию...» и т. д.

В августе 1947 г. в составе второй партии квоты ИРО (Международная организация по делам беженцев ООН) чета Ульяновых переселилась в Марокко. С.Л. Голлербах вспоминал: «В эти первые послевоенные годы все мы мечтали эмигрировать из Германии куда-нибудь подальше, боясь захвата Европы большевиками»³⁴. Во французском протекторате Марокко почти не было европейского населения, поэтому Париж был заинтересован в переселении туда любых «белых людей», хоть даже и русских. Эмигрантов из России эта страна привлекала дальностью от Европы, все были уверены, что вот-вот начнется Третья мировая война с атомными бомбардировками, советскими танками на Ламанше и т.д. Марокко было в этом отношении идеальным местом – и большевики не достанут, и ехать недалеко.

Ульяновы поселились в Бурназеле, пригороде города Касабланка (эмигрантское написание названия города Казабланка). Николай Иванович стал работать газосварщиком («автогенным») на заводе металлических конструкций «Schwartz Haumont» («Шварц-Омон»). Названия этих мест послужили для его политических и литературных псевдонимов: Н. Шварц-Омонский (Шварц-Оманский), Н. Бурназельский и Н. Казабланкский³⁵.

Людмила Сергеевна Оболенская-Флам, приехавшая совсем юной в одной партии эмигрантов с Ульяновыми в Марокко, вспоминает. «Как и моего отца, Николая Ивановича завербовали на работу на фабрику Шварца и Омона (отсюда псевдоним Н.И. (Ульянова. – П. Б.) Шварц-Омонский, под которым он публиковался в “Русской Жизни”). Папа мой хотя бы был инженером, а как туда угодил человек свободной профессии, Н.И., в качестве белой рабочей силы..? Не помню, что производила эта фабрика, возможно, какие-то металлические части или инструменты. Однажды мама послала меня туда, чтобы что-то передать отцу. Оказалось, ад крошечный: жарница,

духота, грохот... Отец, отработав по контракту год, оттуда вырвался, поступил на другую работу, и мы съехали из поселка»³⁶.

Месячной зарплаты сварщика при самом экономном использовании (буквально, на воду и хлеб) хватало ровно на неделю. Зато большие доходы были у квалифицированного врача-гинеколога Н.Н. Ульяновой.

Русская диаспора возникла в Марокко еще в годы первой «волны». К послевоенному времени старой эмиграции на все Марокко осталось около 600 человек, большая часть «офранцузилась», и многие дети уже даже не говорили по-русски³⁷. Большинство было настроено монархически и ориентировалось на Н.Н. Чухнова или И.Л. Солоневича.

Ирина фон Шлиппе, ребенком приехавшая в Марокко, так описывала трудности эмигрантов. В Бурназеле была страшная жара, а воду подвели только в сентябре. Бараки, построенные для пленных итальянцев, стояли без крыш, без окон, без дверей. Но русские эмигранты быстро обустроили и даже сделали себе мебель из ящиков из-под апельсинов. «Представители ООН выдали хоть и крохотные, но все же реальные деньги на покупку самого необходимого – матрас, кастрюля, примус, ведро»³⁸. Л.С. Оболенская-Флам вспоминает о подробностях быта: «Нас поселили в небольшом рабочем поселке. Каждый наскоро построенный домишко состоял из двух комнат. Первая – проходная. Вторая была и столовой и кухней, и душевой, уборные – отдельно, во дворе»³⁹.

Центром притяжения русской общины была православная церковь. Под влиянием «совпатриотизма» «Православная церковь и Русский очаг в Марокко» распались, два местных священника перешли под Московскую патриархию, в их приходе было около 200 человек. Советских патриотов изначально было больше сотни, постепенно примерно треть из них отказалась от паспорта СССР. Но именно в это время в массовом количестве стали прибывать антикоммунистически настроенные диппидцы. Только с лета 1947 по весну 1949 г.

прибыли около 700 человек⁴⁰. В 1950 г. только в Бурназеле жили 780 русских эмигрантов. Был заново образован новый приход Русской зарубежной церкви более 800 человек⁴¹. Новоприбывшие, в свою очередь, поделились на сторонников НТС (главным образом, выходцы из лагеря Мёнхегоф) и монархистов (из лагеря Шлейсхайм).

В Марокко в то время действовали «Русский красный крест» книгини Урусовой, отделения РОВС, НТС (председатель – журналист А.С. Светов-Парфенов, среди членов – историк Б.Т. Кирюшин, публицистка Е.Р. Миркович), Союз борьбы за свободу России (председатель – Н.П. Полторацкий), Союз Андреевского флага (САФ) и различные монархические организации.

В Касабланке существовало представительство «Посева», распространяющее и другую литературу, вплоть до меньшевистского «Социалистического вестника», за исключением правомонархической. А.С. Светов-Парфенов издавал на ротаторе бюллетень. Монархические издания распространялись частным образом. Представителем журнала «Часовой» был его постоянный автор, военный историк генерал В.А. Замбржицкий⁴².

Ирина фон Шлиппе вспоминала, что «была в Касабланке также отличная русская библиотека, куда присылались все советские толстые журналы и многие эмигрантские журналы»⁴³. В ее фонде было 2,5 тыс. изданий, главным образом беллетристика и мемуары.

Во главе православной общины (Касабланка, Бурназель, Рабат, Марракеш) стояли протоиерей Митрофан (Зноско-Боровский) – будущий епископ Бостонский, а затем Восточно-Американский и Нью-Йоркский, и глава совета И.Н. Ростовцев. Они же создали «Свято-Сергиевский благотворительный фонд». В Бурназеле даже построили Свято-Троицкий храм (1950). Заслуженной гордостью русской колонии в Касабланке были хор (25–30 человек) и детский музыкальный кружок Е.И. Евеца, прибывшего вместе с Н.И. Ульяновым. Для

детей же по четвергам и воскресеньям организованы были занятия по Закону Божьему, русской истории и русскому языку⁴⁴.

Известный журналист, впоследствии редактор «Посева», член НТС А.С. Светов-Парфенов писал в письме эсеру В.М. Зензинову от 22 мая 1949 г.: «Много работает доц. Ульянов, историк, интересующийся гл.[авным] обр.[азом] национальным и украинским вопросом, очень культурный человек, но своеобразный, одиночка. В Касабланке он руководит небольшим историческим кружком (7–8 участников)»⁴⁵.

Л.С. Оболенская-Флам вспоминает об этой деятельности: «Знаю только, что тяжелая работа не помешала Н.И. (Ульянову. – П. Б.) заниматься творчеством и играть заметную роль на культурном поприще русской колонии в Касабланке. Это он проводил вечера “Русской культуры” и привлек меня к выступлениям с чтением стихов»⁴⁶.

Несмотря на многочисленные противоречия, русская община стала совместно отмечать специфические праздники отечественной эмиграции: «День непримиримости» (7 ноября), «День русского просвещения» (юбилей А.С. Пушкина), «День русской культуры», «День русского национального сознания» (святого равноапостольного князя Владимира) и др. Кроме того, регулярно проводились юбилеи и театральные постановки: «Чеховский вечер», столетие со дня смерти Н.В. Гоголя. На этих мероприятиях выступали адмирал А.И. Русин, А.С. Копытов, Г.А. Рар, А.С. Светов-Парфенов, Н.П. Полторацкий, В.Л. Гальский и Н.И. Ульянов⁴⁷. Последний выступил с докладом 19 июня 1949 г. в зале офицерского собрания в Касабланке на праздновании юбилея, 150-летия рождения А.С. Пушкина⁴⁸.

Николай Иванович Ульянов становится известен благодаря докладу «Культура и эмиграция», произнесенному в «День русской культуры» в Касабланке 5 августа 1951 г. Через год ее опубликовал в «Новом журнале»⁴⁹ известный историк

М.М. Карпович, снабдив своими знаменитыми редакторскими комментариями. Его мнение, несмотря на критику отдельных положений доклада, было чрезвычайно положительным. Это была первая работа нашего героя, опубликованная в журнале.

П.А. Муравьев утверждал: «Не следует, однако, рисовать себе творческую природу Н.И. Ульянова слишком идиллически. Был он не только кабинетным ученым. Уже тогда, в “марокканский” период, проявилась в нем и другая его сторона – яркого и страстного полемиста, с каким мало кто мог скрестить оружие. Именно в “Касабланкском докладе” Н.И. Ульянов первый раз противопоставил русскую культуру этнографии: “После Достоевского и Толстого, Мусоргского и Чайковского не пристало рядить русскую культуру в сарафаны и кокошники!”⁵⁰. «?Посеявший ветер пожнет бурю”. Доклад, попавший затем на страницы печати, вызвал целый полемический шторм. Традиционно-консервативной части эмиграции новшество Н.И. (Ульянова. – П. Б.) пришлось не по душе; более “прогрессивные” приветствовали его заявление. Но поднятый шум не испугал Н.И. (Ульянова. – П. Б.); скорее наоборот – вдохновил его на дальнейшее углубление “опасной” темы. И возможно, что его интересное эссе “Патриотизм требует рассуждения” уходит корнями в казбланкский дебют»⁵¹. Действительно, «Культура и эмиграция» вызвала самые горячие и противоречивые отклики в печати.

К этому же времени относится и первая попытка вернуться к научной и преподавательской деятельности. В США собирались основать «культурное учреждение» во главе с Б.И. Николаевским, которому мог быть нужен русский историк. По предложению С.П. Мельгунова, Н.И. Ульянов пишет ему письмо 20 августа 1951 г.: «Вот уже 15 лет, как я оторван не только от научной работы, но и от всякого ей подобия. Пребывая в тюрьмах и лагерях, то в таких глухих углах, вроде Марокко, в которых невозможно найти самой элементарной

книги по русской истории, я, безусловно, отстал в области своей специальности, но смею думать, что ни способности научного мышления, ни исследовательской техники, ни тем более вкуса к истории не утратил. Напротив, чувствую себя в расцвете сил и способным к напряженной работе. Буду крайне признателен, если бы Вы облегчили мне возможность вернуться к занятию историей»⁵².

Несмотря на все успехи Н.И. Ульянова, Марокко было провинцией Русского Зарубежья. На заработки жены историк смог регулярно посещать столицу русской эмиграции – Париж. Вот как оценивает П.А. Муравьев значение этих командировок: «Позднее, благодаря наладившимся поездкам в Париж, положение улучшается: удастся приобрести нужные книги, а в архивах библиотек откопать недостающие для исторических работ материалы. Да и русский Париж встретил Н.И. (Ульянова. – П. Б.) приветливо. Тут он познакомился с Б.К. Зайцевым, П.Е. и С.П. Мельгуновыми, Н.Н. Берберовой, Н.М. Херасковым, Г. Ивановым, с французским профессором Андре Мазоном, прекрасно владеющим русским языком»⁵³. Сам Н.И. Ульянов писал о своих впечатлениях Надежде Николаевне: «Очень доволен тем, что впервые за свою эмиграцию увидел настоящую культурную Россию. Это было глотком свежей воды. Буквально отдохнул душой»⁵⁴. В письме В.Н. Буниной Г.Н. Кузнецовой от 2 ноября упоминается о его появлении 22 октября на чествовании 80-летия И.А. Бунина: был «Ульянов – не знаю кто»⁵⁵. Именно тогда Н.И. Ульянов познакомился с Ириной Одоевцевой.

В марокканский период выходит более 20 публикаций Н.И. Ульянова. 30 ноября 1952 г. появляется первая книга Н.И. Ульянова в эмиграции – исторический роман «Атосса» в «Издательстве имени Чехова».

В 1953 г. Н.И. Ульянов с супругой смогли переехать в США.

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

Примечания

- ¹ Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка 1953–1958 гг. / Публ., сост. коммент. А.Ю. Арьева. – СПб., 2010. – С. 102.
- ² Там же. – С. 89.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. – С. 261.
- ⁵ Азадовский К. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: Нов. материалы, I. – Париж; СПб., 2001. – С. 113.
- ⁶ Кашкаров Ю. Меж двух берегов: Литература русского зарубежья вчера и сегодня: [Беседы с участниками конференции]. – Москва, 1993. – №7–8. – С. 150.
- ⁷ Кашкаров Ю.Д. Новый журнал // Родина. – 1991. – № 3. – С. 35.
- ⁸ Дойков Ю.В. Личное дело № 43, или Судьба эмигранта Ульянова // Волна. – Архангельск, 1991. – 7 нояб., № 15. – С. 6.
- ⁹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. – СПб.: Европейск. Дом: Европейск. ун-т в СПб.: Фонд регионального развития, 1996. – С. 146.
- ¹⁰ [Самарин В.Д.], В.С. Служение России (Памяти Н.И. Ульянова) // Вече. – 1985. – №18. – С. 194.
- ¹¹ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В.М. Сечкарев. – Нью-Хэвен, 1986. – С. 42.
- ¹² Дойков Ю.В. Историки // Сев. комсомолец. – Архангельск, 1990. – 21 апр., № 17 (10501). – С. 10; Fisher R.T. Nicolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985 // Slavic Review. – 1986. – Vol. 45. – P. 187.
- ¹³ Голлербах С. Надежда Николаевна Ульянова // Зап. рус. акад. группы в США. – Нью-Йорк, 2004. – Т. 33. – С. 281.
- ¹⁴ Fisher R.T. Nicolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985 // Slavic Review. – 1986. – Vol. 45. – P. 187.
- ¹⁵ Ульянов Н. Сергей Петрович Мельгунов // Новое рус. слово. – 1956. – 10 июня. – С. 2.
- ¹⁶ Там же. – С. 2.
- ¹⁷ Ульянов Н. Памяти М.А. Алданова // Ульянов Н.И. Спуск флага. – New Haven: N. Oulianoff, 1979. – С. 144.
- ¹⁸ Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопр. истории. – М., 1998. – №7. – С. 124.
- ¹⁹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. – СПб.: Европейск. Дом: Европейск. ун-т в СПб.: Фонд регионального развития, 1996. – С. 146.
- ²⁰ Полчанинов Р.В. Молодежь Русского зарубежья: Воспоминания 1941–1951. – М.: Посев, 2009. – С. 348.
- ²¹ Там же. – С. 347.
- ²² Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). В. М. Sapir Collection. Miscellaneous topic A-Z Разное тема. Вох. 40.
- ²³ Вернадский Г.В. [Дневники: Отрывки за 1932–1969 гг.] // Вернадский Г.В. Русская историография. – М.: Аграф, 1998. – С. 431.
- ²⁴ Ульянов Н.И. Украинцы и псевдоукраинцы // На переломе. – Мюнхен, 1948–1949. – № 107, 20 нояб. – С. 10–13; № 108, 5 дек. – С. 4–10; № 109, 12 дек. – С. 3–7; № 110, 19 дек. – С. 3–7; № 111 (17), 26 дек. – С. 4–7; № 112 (1), 7 янв. – С. 16–19; № 113 (2), 16 янв. – С. 3–6.
- ²⁵ Ульянов Н.И. Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской «науки» // Знамя России. – 1952. – № 60, 5 апр. – С. 5–8; № 61, 20 апр. – С. 3–6; № 62, 11 мая. – С. 7–10; № 63, 31 мая. – С. 13–15; № 64, 10 июня. – С. 5–9.
- ²⁶ Назаров М.В. Монархические организации русского зарубежья // Держава. – 1996. – №2(5). – С. 76.
- ²⁷ Чухнов Н.Н. В смятенные годы: Очерки нашей борьбы, 1941–1965. – Нью-Йорк: Всеславянчк. изд-во, 1967. – С. 101.

- ²⁸ Шварц-Оманский Н. «К национальному вопросу // Социалистич. вестн. – 1948. – № 6. – С. 115–117.
- ²⁹ Указатели журнала Социалистический вестник 1921–1963, Социалистический вестник, сборник: 1964–1965 = Tables de la revue russe Le messenger socialiste 1921–1963, Le messenger socialiste, recueil: 1964–1965 / Et. A. Lande, preface A. Liebich. – Paris: Inst. d'études slaves, 1992. – С. 143.
- ³⁰ Ульянов Н.И. Мертвые слова // Ульянов Н.И. Свиток. – Нью-Хэвен, 1972. – С. 129.
- ³¹ Ульянов Н.И. «Дело Ульянова» // Новое рус. слово. – 1961. – 5 янв. – С. 2.
- ³² Гуль Р. Одвуконь два. – Нью-Йорк: Мост, 1982. – С. 151.
- ³³ Социалист. вестн. – 1952. – № 3 (651). – С. 7.
- ³⁴ Голлербах С. Надежда Николаевна Ульянова // Зап. рус. акад. группы в США. – Нью-Йорк, 2004. – Т. 33. – С. 281.
- ³⁵ Личный архив К.Ю. Лаппо-Данилевского. Письмо Н.Н. Ульяновой К.Ю. Лаппо-Данилевского от 17.11.1992 г. Л. 1.
- ³⁶ Личный архив П. Н. Базанова. Фонд Н. И. Ульянова. Папка: Переписка. Письмо Л.С. Оболенской-Флам П. Н. Базанову от 7 июля 2017 г. Л. 1.
- ³⁷ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. M. ZENZINOV Papers. Box. 33.
- ³⁸ Шлиппе И. фон. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности // Выступление на вечере Ди-Пи. – М., 2012 г. – 24 сент. – С. 9. – Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
- ³⁹ Личный архив П.Н. Базанова. Фонд Н.И. Ульянова. Папка: Переписка. Письмо Л.С. Оболенской-Флам П.Н. Базанову от 7 июля 2017 г. Л. 1.
- ⁴⁰ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. M. ZENZINOV Papers. Box. 33.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Шлиппе И. фон. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности // Выступление на вечере Ди-Пи. – М. – 2012. – 24 сент. – С. 9. – Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
- ⁴⁴ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. M. ZENZINOV Papers. Box. 33.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Личный архив П. Н. Базанова. Фонд Н. И. Ульянова. Папка: Переписка. Письмо Л. С. Оболенской-Флам П. Н. Базанову от 7 июля 2017 г. Л. 1.
- ⁴⁷ Митрофан (Зноско–Боровский), еп. Хроника одной жизни: К 60–летию пастырского служения IX. 1935 – IX. 1995. – М.: Св. Владимир. Братства, 1995. – С. 177–178.
- ⁴⁸ Там же. – С. 198.
- ⁴⁹ Ульянов Н. И. Культура и эмиграция // Новый журнал. – 1952. – №28. – С. 261–272.
- ⁵⁰ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В.М. Сечкарев. – Нью-Хейвен, 1986. – С. 44.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Hoover Institution on war, revolution and peace; Stanford University (HIA). V.I. Nicolaevsky Coll. Box. 506. Fold 13. Л. 1.
- ⁵³ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В.М. Сечкарев. – Нью-Хейвен, 1986. – С. 43.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / сост. подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. – М., 2014. – С. 120.